

Саша Чёрный

Королева – золотые пятки

Часть сборника
Избранная проза

Саша Чёрный
Королева – золотые пятки
Серия «Солдатские сказки»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=156835
Избранная проза: Эксмо; Москва; 2005
ISBN 5-699-14284-3

Аннотация

«В старовенгерском королевстве жил король, старик седой, три зуба, да и те шатаются. Жена у него была молодая, собой крымское яблочко, румянец насквозь так себя и оказывает. Пройдет по дворцу, взглянет – солдаты на страже аж покачиваются.

Король все Богу молился альбо в бане сидел, барсуковым салом крестец ему для полировки крови дежурные девушки терли. Пиров не давал, на охоту не ездил. Королеву раз в сутки в белый лоб поцелует, рукой махнет, да и прочь пойдет. Короче сказать, никакого королеве удовольствия не было. Одно только оставалось – сладко попить-поесть. Паек ей шел королевский полный, что хошь, то и заказывай. Хоть три куска сахару в чай клади, отказу нет...»

Саша Чёрный

Королева – золотые пятки

В старовенгерском королевстве жил король, старик седой, три зуба, да и те шатаются. Жена у него была молодая, собой крымское яблочко, румянец насквозь так себя и оказывает. Пройдет по дворцу, взглянет – солдаты на страже аж покачиваются.

Король все Богу молился альбо в бане сидел, барсуковым салом крестец ему для полировки крови дежурные девушки терли. Пиров не давал, на охоту не ездил. Королеву раз в сутки в белый лоб поцелует, рукой махнет, да и прочь пойдёт. Короче сказать, никакого королеве удовольствия не было. Одно только оставалось – сладко попить-поесть. Паек ей шел королевский полный, что хошь, то и заказывай. Хоть три куска сахару в чай клади, отказу нет.

Надумала королева как-то гурьевской каши перед сном поесть. Русский посол ей в день ангела полный рецепт представил – мед да миндаль, да манной каши на сливках, да изюму с цукатцем чайную чашечку верхом. До того вкусно, что повар на королевской кухне, пробовавши, половину приел. И горничная, по коридору несши, не малохватила. Однако и королеве досталось.

Ест она тихо-мирно в терему своем, в опочивальне, по-венгерски сказать – в салоне. Сверчок за голландкой поцы-

кивает, лунный блин в резное оконце глядит. На стене вышитый плат: прекрасная Гобелена ножки моет, сама на себя любуется.

Глядь-поглядь, вырос перед королевой дымный старичок, личность паутиной обросла, вроде полкового капельмейстера. Глазки с бело-голубым мерцанием, ножки щуплые в валенках пестрых, ростом как левофланговый в шестнадцатой роте – еле носом до стола дотягивает.

Королева ничего, не испугалась.

– Кто вы такой, старичок? Как так сквозь стражу продрались и что вам от Моего Королевского Величества надобно?

А старичок только носом, как пес на морозе, потягивает:

– Ну и запах... Знаменито пахнет.

Топнула королева по хрустальному паркету венгерским каблучком.

– Ежели ты на мой королевский вопрос ответа не даешь, изволь тотчас же выйти вон!

И к звонку-сонетке королевскую муаровую ручку протянула.

Тем часом старичок звонок отвел, ножку дерзко отставил и говорит:

– Что ж так сразу и вон? Я существо нужное, и выгнать меня никак нельзя. Я, матушка, домовой, могу тебе впалую грудь сделать, либо, скажем, глаз скосить, – родная мать не узнает.

– Ах, ах!

– Вот тебе и ах... Могу и доброе что сделать: королю дней прибавить альбо тебе волос выбелить, с королем посравнять. Дай, матушка, кашки, за мной не пропадет...

Зло взяло королеву.

– Ты, швабра с ручкой! Нашел чем прельщать... Не про тебя каша варена. Ступай на помойку, с опаленной курицы перья обсоси.

Домовой зубом скрипнул, смолчал и сиганул за портьеру, как мышь в подполье, в сонную ночь.

Наглоталась королева кашки, расстегнула аграмантовые пуговики, чтобы шов не треснул, ежели вздохнет. Хлопнула в белые ладоши. Постельные девушки свое дело знают: через ручки-ножки гардероб ейный постянули, ночной гарнитур сквозь голову вздели. Стеганое соболье одеяльце с боков подоткнули, будто пташку в гнезде объютили. «Спите с богом, Ваше Королевское Величество! Первый сон – глаза закрывает, второй сон – сердце пеленает...»

Ладно. Стала она изумрудные глазки заводить. Лампадка в углу двоится. Сверчок поцыкивает. В животе кашка урчит-бурчит, по-ученому сказать, переваривается.

Тем часом дымный старичок из-за портьерки ухо приклонил: легкий королевский храп услышал. Он, рябой кот, только того и дожидался. На приступочку стал, на другую подтянулся, из-за пазухи кавказского серебра пузырек достал.

А тут королева как раз во сне приятную сладость увидела, всем своим женским составом потянулась, розовые пят-

ки-пальчики из-под соболей покрышки обнаружила. Тут старичок и нацелился: впрыснул пятки из фляжечки, дунул сверху, чтобы волшебная смазь ровней растеклась. Тарелку из-под каши облизал наскоро и ходу. Будто и на свете его не было.

Вздохнула королева в обе королевские груди, ручку к сердцу тяжело притулила, и обволокло ее каменным сном аж до самого полудня.

* * *

Солнце в цветной оконнице павлиньим хвостом полыхает. Караул сменяется, стража у дверей прикладами о пол гремит. Стрепенулась королева, правую щечку заспала – маком горит. Вскинула было легкие ножки, ан врешь, будто утюги железные к пяткам привинчены. Пульсы все бьются, суставы в коленках действуют, – однако пятки ни с места. Заело. Села она кое-как, по стенке подтянулась, глянула под одеяльце, так руками и всплеснула: свет оттедова веером, червонным золотом прыщет. Красота, скажем, красотой, а шевеления никакого.

Прибежали на крик постельные девушки, стража у дверей на изготовку взяла, – в кого стрелять, неизвестно. Старик король поспешает, халатной кистью пол метет, за ним кот любимый, муаровой масти, лапкой подыгрывает.

Вбежал король, сейчас распоряжение сделал:

– Почему такое? Кто, пес собачий, королеву золотом подковал? Чего стража смотрела? Всех распотрошу, разжалую, на скотный двор сошлю свиньям хвосты подмывать. Чичас королеву на резвые ноги поставить.

Туда-сюда, взяли королеву под теплые мышки, поставили на самаркандский ковер, а она, как клейстер разваренный, так книзу и оседает. Нипочем не устоять. Всунули ее девушки под одеяльце, сами в ногах встали, пальцами фартушки тербят.

– Мы, Ваше Величество, этому делу не причинны. Почему такая перемена – нам неизвестно.

Опять от короля распоряжение:

– Цыц, сороки! Позвать ко мне лекарей-фельдшерей. Да чтобы беглым маршем, не то я их сам так подлечу – лучше не надо.

Не успел приказать, – гул-топот. В две шеренги построились, старший рапортует:

– Честь имеем явиться, Ваше Величество.

То да се, пробовать стали. Свежепросольные пиявки от золотых пяток отваливаются, лекарский нож золота не берет, припарки не припаривают. Нет никаких средствий. Короче сказать, послал их король, озлясь, туда, куда во время учебной стрельбы фельдфебель роту посылает. Приказал с дворцового довольствия снять: лечить не умеют, пусть перила грызут. Прогнал их с глаз долой, а сам с досады пошел в кабинетную комнату, сам с собой на русском бильярде в

пирамидку играет.

Той порой по всему королевству, по всем корчмам, постоянным дворам поползли слухи, разговоры, бабьи наговоры, что, мол, такая история с королевой приключилась – вся кругом начисто золотом обросла, одни пятки мясные наружу торчат. Известно, но не бывает поля без ржи, слухов без лжи. Сидел в одной такой корчме проходящий солдат 18-го пехотного Вологодского полка, первой роты барабанщик. Домой на побывку шел, приустал, каблуки посбил, в корчму зашел винцом поразвлечься.

Услыхал такое, думает: солдат в сказках всегда высоких особ вызволяет, большое награждение ему за это идет. А тут не сказка, случай сурьезный. Неужто я на сам деле сдрейфлю, супротив лекарей способа не сыщу?

Поднял его винный хмель винтом, на лавку поставил. Обтер солдат усы, гаркнул:

– Смирно, черти! Равнение на меня... О чем галдеж-то? Ведите меня сей секунд к коменданту: нам золото с любого места свести, что чирей снять. Фамилия Дундуков. Ведите!

* * *

Взяли солдата под теплые мышки, поволокли. А у него чем ближе ко дворцу, тем грузнее сапоги передвигаются, в себя приходиться стал, струсил. Однако идет. Куда ж денешься?

Доставили его по команде до самого короля.

– Ты, солдат Дундуков, похвалялся?

– Был грех, Ваше Королевское Величество!

– Можешь?

– Похвальба на лучиновых ножках. Постараюсь, что Бог

даст.

– Смотри. Оправившь королеву, век свой будешь двойную говяжью порцию есть. Не потрафишь – разговор короткий. Ступай.

Солдат глазом не сморгнул, налево кругом щелкнул. Ать-два. Все равно погибать, так с треском... Вытребовал себе обмундирование первого срока и подпрапорщицкие сапоги на ранту, чтоб к королеве не холуем явиться. В бане яичным мыльцем помылся, волос дорожный сбрил. В опочивальню его свели, а уж вечер в окно хмурится.

Спит королева, умильно дышит. Вокруг постельные девушки стоят, руками подпершись, жалостливо на солдата смотрят. Понимают, вишь, что зря человек влип.

Ну видит солдат – дело не так плохо: вся королева в своем виде, одни пятки золотые. Зря в корчме набрехали. Повеселел. Всех девушек отослал, одну Дуню, самую из себя разлапушку, оставил.

– Что ж, Дуняш, как, по-вашему, такое случилось?

– Бог знает. Может, она переела? Кровь золотом свернулась, в ножки ей бросилась...

– Тэк-с. А что оне вчера кушать изволили?

– Гурьевскую кашку. Вон тарелочка ихняя на столике стоит. Ободок бирюзовый.

Повертел солдат тарелочку – чисто. Будто кот языком облизал. Не королева ж лизала.

– Кот тут прошедшую ночь околачивался?

– Что вы, солдатик! Кот королю заместо грелки, всегда с ним спит.

Посмотрел опять на тарелочку: три волоска седых к ободку прилипли. Вещь не простая...

Задумался и говорит Дуне:

– Принеси-ка с кухни полную миску гурьевской каши. Да рому трехгодовалого штоф нераспечатанный. Покамест все.

– Что ж вы одну сладкую кашку кушать будете? Может, вам, кавалер, и мясного хочется? У нас все есть.

– Вот и выходит, Дуняш, что я ошибся. Думал я, что вы умница, а вы, между прочим, такие вопросы задаете. Может, кашу и не я кушать буду.

Закраснелась она. Слетала на кухню. Принесла кашу да рому. Солдат и говорит:

– А теперь уходите, красавица, я лечить буду.

– Как же я королеву одну-то оставляю. Король осерчает.

– Пусть тогда король сам и лечит. Ступай, Дуня. Уж я свое дело и один справлю.

Вздыхнула она, ушла. В дверях обернулась: солдат на нее только глазами зыркнул. Бестия!

Спит королева. Умильно дышит. Ухнул солдат рому в ка-

шу, ложку из-за голенища достал, помешал, на стол поставил. Сам сел в углу перед печкой по-киргизски, да в трубу махорочный дым пускать стал. Нельзя же в таком деле без курева.

Ждет-пождет. Только двенадцать часов на башне отщелкало, топ-топ, выходит из-за портьеры дымный старичок, носом поверху тянет, к миске направление держит.

Солдат за печку, – нет его, и шабаш.

Короче сказать, ест старичок, ест, аж давится, деревянную ложку по самый черенок в пасть запихивает, с ромом-то каша еще забористее. Под конец едва ложку до рта доносить стал. Стрескал, стервец, все, да так на кожаном кресле и уснул, головой в миске, бороду седую со стола свесивши...

Глянул солдат из-за печки: клюнуло. Ах ты, в рот тебе тыква!

Подобрался он к старичку, потрусил его за плечико, – пьян, как штопор, ручки-ножки обвисли. Достал солдат из ранца шило да дратву и пришил крепко-накрепко домового к креслу кругом сквозь штаны двойным арестантским швом. Ни в одной швальне лучше не сделают.

Сам шинель у королевской кровати разостлал, рукой дух солдатский разгреб, чтобы королеве не мешало, и спать улегся, как в лагерной палатке.

Просыпается на заре: что за шум такой? Видит, натужился старичок, покраснел рябой кот, возит кресло по хрустальному паркету, отодраться не в силах. А королева понять ни-

чего не может, с постельки головку румяную свесила, то на старичка, то на солдата смотрит, – смех ее разбирает.

– Не извольте, – говорит солдат, – сомневаться. Мы с ним коммерцию в два счета кончим. Эй, – говорит, – господин золотарь, грузовичок свой остановите, разговаривать способнее будет! Вот.

Старичок, конечно, шипит:

– Чем ты меня, пес, с оберточной стороны приклеил?

– Пришил, а не приклеил. Это, друг, покрепче будет. Ну, милый, белый день занимается, некогда с тобой хороводы водить. Умел золотить, умеи и раззолачивать. Давай обратное средство, живо, не то так тут на кресле и иссохнешь.

Старик умный был, видит, что перышко ему под ребро воткнули. Достал из-за пазушки пузырек перламутровый, насупился и подает солдату: подавись.

Однако и солдат не из последних обалдуев был, – репертичку сделать решил.

– А ну-кась, давай сюда и первый золотильный состав.

Оконце приоткрыл, проходящую кошку из кровельного желоба выудил, снял сапог, сунул ее в голенище. Золотильным составом капнул ей под хвост, так кругом золотой циферблат и обозначился. Капнул из перламутистой сткляночки, враз все сошло.

– Ишь ты... Чтобы тебе ежа против шерсти родить!

Чуть он, можно сказать, вприсядку не пустился.

Честно-благородно драгву вокруг стариковых штанов

подрезал. Вскочил старичок, встряхнулся, как мокрая крыса, и нырнул за портьеру.

Подошел солдат к королевской постели, каблуки вместе, во фронт стал. Королева, конечно, запунцовелась, глазки прикрыла, неудобно ей: хоть он, солдат, заместо лекаря, а все ж мужчина. На пятки ему пальчиком указывает.

Капнул солдат на мизинный палец с исподу, сразу он порозовел, будто бутон с яблони райской, – теплотой наливаются... С полпятки выправил, – сердце стучит, нет мочи.

– Дозвольте, Ваше Королевское Величество, передышку сделать, оправиться. Очень меня в жар бросило с непривычки.

На эти слова повела она ласково бровью. А бровь словно колос пшеничный, прости господи...

* * *

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Короче сказать, родилось у королевы в положенный срок дите-королевич. Многие давно примечали, что к тому дело шло. Король спервоначалу руками развел, однако потом ничего – обрадовался.

Пирование было, какого, скажем, и в офицерском собрании не бывает. Пили-ели, аж порасстегнулись некоторые. Костей-пробок полную корзину понакидали. Солдат Дундуков на почетном месте, супротив короля сидел. В холе жил

после королевичиной поправки. Ароматами дворцовыми заведовал, должность ему такую придумали. Каждый день двойная говяжья порция ему шла, папироски курил, не соврать, шесть копеек десяток – «Пажеские». Раздуло его на сладких харчах, словно бугай племенной стал. Многие из служанок-девушек интересовались, одна Дуня брови сдвигала, никогда на него и не взглянет.

В полпирование поманил комендант королевский Дундукова пальцем.

Вышли они в прохладительную комнату, комендант по сторонам глянул и громким шепотом говорит:

– Лиса курку скубет, лиса и ответ дает. Дело свое ты, Дундуков, своевременно справил, золотые пятки с королевы, как мозоль, свел. Награждение получил, бессрочный отпуск сполна выслужил. Однако, друг любезный, надо тебе чичас сундучок собирать, в путь-дорогу отправляться. Маршрут на все четыре стороны. Прогонные – коленом ниже спины из секретного фонда получишь. С богом, друг! Обмундирование свое второго срока не забудь. Дезинфекция сделана.

Побагровел солдат, в холодный жар его бросило, однако спросить насмелился:

– Почему ж такое?

– Потому такое, что у королевича новорожденного пятно мышастое на правом ухе... Понял?

– Пятно я свести могу. Должно, опять домовой...

Сунул ему комендант бессловесно под самые усы светлое

походное зеркальце: смотри, мол.

Что ж сытого потчевать? Глянул солдат на свое правое ухо, серьгой замотал.

– Так точно, – говорит, – понял...

Вышел он на королевский двор, сундучок на ремне через плечо перекинул.

– Эх ты... С пухом, с духом, нос на вздержках... Не хвастай коноплястый – будешь рябенький!

Дуня вверху в окне стоит, мимо смотрит. Постельные девушки рты ладонями прикрывают, перемигиваются. Вздулся волдырь, да и лопнул!

Помаршировал солдат по дороге, в сундучке пуговицы перекатываются. Думает: зря это я сразу две пятки свел. Надо бы хоть с полпятки золотой оставить. Разговор бы другой был. А впротчем, что ж: может, еще кого подлечить придется, – в другом королевстве.